

Крутые виражи Дмитрия Артемьева

Ю.И.Блох

Современникам имя Дмитрия Николаевича Артемьева (1882—1945/46) почти неизвестно. Между тем первые послереволюционные годы он заведовал научным отделом Наркомпроса, входил в коллегию НТО ВСНХ и приложил значительные усилия к задуманной большевиками кардинальной перестройке научной инфраструктуры. Можно сказать, что уже 90 лет отечественные ученые работают в той научной среде, основные черты которой сформированы именно Артемьевым с несколькими коллегами. При его непосредственном участии было создано несколько десятков научно-исследовательских институтов, многие из которых действуют до сих пор. Диапазон его деятельности простирался от подготовки проекта декрета Совнаркома о Госкомитете по охране памятников природы до устройства лекционных представлений в Уголке Дурова. Любимым же детищем Артемьева стала Московская горная академия, для организации которой он не жалел ничего и никого.

Это был сложный и противоречивый человек, жизнь которого, окрашенная разного толка легендами, бросала его из одной крайности в другую. Вот как писал А.Е.Ферсман, знакомый с ним по минералогической лаборатории В.И.Вернадского: «Здесь рядом со мной вел свой анализ Д.Н.Артемьев, представитель золотой молодежи, блестящий ис-

Юрий Исаевич Блох, доктор физико-математических наук, профессор. Область научных интересов — геофизика, обратные задачи, автоматизированные системы интерпретации геофизической информации, история наук о Земле.

следователь кристаллографии в школе Е.С.Федорова, потом видный работник Наркомпроса, первый ректор Горной академии в Москве, спекулянт бриллиантами и драгоценными камнями, бежавший за границу, снова кристаллограф, издавший в Берлине прекрасное руководство по кристаллографии, и, наконец, настоятель крупнейшего католического монастыря на юге Франции, а сейчас, говорят, кардинал» [1. С.122]. Насколько точна эта беглая зарисовка? Попробуем вынуть на поверхность то, что доподлинно известно о Дмитрии Николаевиче.

Родился он в Нижнем Новгороде 21 июля 1882 г. Отец, дворянин и полицейский чиновник Николай Иванович Артемьев, за несколько месяцев до рождения сына оставил должность начальника Пермской пересыльной тюрьмы. Мать, Екатерина Владимировна, в девичестве Терская, была дочерью мелкого чиновника, титулярного совет-

ника, но при этом владела собственным домом на Ошарской улице неподалеку от Кремля, где и жила их семья. Кроме сына у четы Артемьевых была дочь Евгения. В 1896 г. Артемьевы купили имение площадью около 300 га в Костромской губернии на берегу р.Унжи. В Государственном архиве Костромской области сохранился документ, в соответствии с которым приобретенное имение находилось «при усадьбе Петровке и деревнях: Михалининой, Поповой и Бобровой...» [2. Оп.2. Д.2165].

Среднее образование Артемьев получил в Нижегородском дворянском институте имени Императора Александра II. В 1901 г. ему был выдан аттестат зрелости, в котором отмечены его отличное поведение и такие же успехи в учебе [3. Оп.315. Д.34. Л.2].

Нижегородцы, как правило, поступали тогда в Казанский университет, но Артемьев устремился в Москву, где 17 июля

1901 г. подал прошение, в соответствии с которым был принят на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета. Здесь он увлекся минералогией и стал усердно заниматься под руководством Вернадского. Учеба давалась Артемьеву легко, и в 1903 г. он отлично сдал так называемые полукурсовые испытания.

В том же году состоялось его знакомство с Александром Евгеньевичем Ферсманом, который только что перешел в Московский университет из Новороссийского, и почти тогда же довелось встретиться с выдающимся кристаллографом Евграфом Степановичем Федоровым, преподававшим в Московском сельскохозяйственном институте в Петровско-Разумовском. Эта встреча сыграла большую роль в судьбе Дмитрия Николаевича. В течение полутора десятков лет он учился у Федорова и работал вместе с ним.

Осенью 1905 г. ученый совет Петербургского горного института предложил Федорову директорскую должность. После раздумий и колебаний он решил занять этот пост, и семья переехала в Петербург. Туда же по завершении в декабре 1906 г. учебы в Московском университете устремился и Артемьев. Благодаря опубликованным в 1902 г. замечательным воспоминаниям жены Федорова Людмилы Васильевны мы знаем, что по этому поводу думал Дмитрий Николаевич. В письме из Москвы он писал Федоровым: «Вы не можете себе представить, как я доволен, что ухожу из Московского университета, так как теперь там у нас такая безалаберщина и запустение, что прямо неприятно даже прийти в кабинет, а не только заниматься. Кроме полного отсутствия руководителей всюду чувствуется страшный застой и рутина, между тем как у Вас видишь кипучую деятельность и расцвет научной деятельности...» [4. С.239]. Вообще записи Федоровой сохрани-

ли много живых деталей о довольно длительном периоде жизни Артемьева.

Летом 1907 г. Дмитрий Николаевич перебрался в Петербург и пригласил пожить в столице свою сестру Евгению. Это было время, когда Евграф Степанович завершал многолетнюю работу по созданию «кристаллохимического анализа», т.е. метода распознавания вещества по форме его кристаллов. Дмитрию Николаевичу довелось принять в этом самое серьезное участие. Кроме того, он занялся и самостоятельной разработкой нового метода анализа, который был назван методом кристаллизации шаров. Поначалу Артемьев трудился в Горном институте без содержания, но осенью 1908 г. получил место штатного ассистента по кафедре минералогии, а в декабре 1909 г. ему в соответствии с должностью присвоили чин коллежского асессора — теперь следовало обращаться к нему «Ваше высокоблагородие».

Артемьев в тот период работал весьма плодотворно: с 1907 по 1910 г. опубликовал 15 статей. Две из них в 1910 г. были переведены на немецкий язык и вышли в препринтах, а в 1911-м опубликованы в ведущем международном журнале «Zeitschrift für Krystallographie und Mineralogie». Одна из статей, «Определение плотностей сеток кристаллических граней без помощи построения», написанная в соавторстве с В.И.Соколовым, содержала, по общему признанию, новые идеи и дополняла геометрические подходы Федорова оригинальными аналитическими результатами, реализованными в виде удобных таблиц. Другая статья излагала метод кристаллизации шаров. Стоит отметить, что кристаллографы по сию пору продолжают ссылаться на эти труды.

Осенью 1910 г. Артемьев принял решение жениться. Его избранницей стала Елена Витовна Тихомирова, вдова дворянина Владимира Тихомирова с тремя детьми от 8 до 14 лет.

Дмитрий Николаевич Артемьев в 1901 г.

Л.В.Федорова описала это событие как брак по расчету, причем неудачный. В 1914 г. его жена скончалась в Ницце.

В 1911 г. Евграф Степанович Федоров представил в Академию наук для издания на немецком языке монографию по кристаллохимическому анализу «Das Krystalreich» («Царство кристаллов»). На титульном листе Евграф Степанович особо отметил, что она создана при участии («unter Mitwirkung») Д.Н.Артемьева, Т.В.Баркера, Б.П.Орёлкина и В.И.Соколова. По существу это был первый систематический определитель вещества по форме его кристаллов. Однако публикация из-за войны и революции задержалась и состоялась лишь в 1920 г., уже после смерти Федорова.

Вернемся, однако, к началу 1910-х годов. Плодотворная научная и педагогическая деятельность Артемьева была отмечена руководством Горного института: осенью 1912 г. его представили к чину надворного советника, а в 1914 г. он был награжден орденом Святого Станислава III степени. По должности,

тем не менее, он оставался ассистентом. Кроме того, Артемьев преподавал кристаллографию на Высших женских естественно-научных курсах, основанных баронессой М.А.Лохвицкой-Скалон (более известной как выдающаяся поэтесса серебряного века Мирра Лохвицкая), а также минералогию и кристаллографию на Высших женских курсах при Биологической лаборатории П.Ф.Лесгафта.

В 1914 г. Артемьев наконец завершил свою многолетнюю работу над диссертацией «Метод кристаллизации шаров и его применение при изучении формы и строения кристаллического вещества». Защита состоялась в Петроградском университете, и 19 января 1915 г. Дмитрий Николаевич был утвержден магистром минералогии и геогнозии. В том же году диссертация была опубликована и удостоена высшей награды Санкт-Петербургского минералогического общества — Золотой медали им.А.И.Антипова.

Вскоре после защиты, в феврале 1915 г., Дмитрий Николаевич был избран приват-доцентом Петроградского университета, где некоторое время читал лекции, а с марта начал работать как адъюнкт Горного института. Но неожиданно попросил разрешения на переход в Варшавский политехнический институт, который в связи с военными действиями был тогда эвакуирован в Москву [5].

Очередной жизненный вираж Артемьева был вызван, скорее всего, тем, что в это время в кристаллографии наступила новая эпоха, связанная с появлением рентгеноструктурного анализа. Судя по всему, Артемьев решил прекратить научные исследования вообще, сосредоточившись на педагогической и организационной деятельности.

Избранный экстраординарным профессором Варшавского политехнического института, он представил для утверждения на должность лаборанта по кафедре минералогии и кристаллогра-

фии кандидатуру выпускника Московского университета Николая Михайловича Федоровского, сыгравшего в его дальнейшей жизни значительную роль.

Федоровский был членом партии большевиков с 1904 г., а в апреле 1906 г. его направили в Гельсингфорс и крепость Свеаборг для участия в подготовке восстания. В июне 1906 г. он вошел в состав военно-боевого центра [6], избрав себе партийную кличку Степан Финляндский. При его непосредственном участии был разработан план совместного выступления сухопутных войск и флота на Петербург, однако восстание началось преждевременно из-за прекращения выдачи личному составу «винной порции», благодаря чему вошло в историю как «водочный мятеж». В итоге восстание жестоко подавили: за участие в нем военно-полевому и военно-окружному суду было предано 970 человек, из них 28 были расстреляны, 127 сосланы на каторгу, 743 приговорены к тюремному заключению, дисциплинарным ротам и т.п. [7]. Федоровскому удалось скрыться. В 1907 г. он вошел в Московскую военную организацию РСДРП. Это не помешало ему в 1908 г. сдать экстерном экзамены за 8 классов во 2-й Саратовской гимназии и поступить в Московский университет, который он закончил в 1914 г.

В 1916 г. Варшавский политехнический институт переехал в Нижний Новгород, что Артемьева совсем не устраивало. Тогда и возникла идея перевода горного отделения института в Москву в качестве Горной академии. Вот как описывал это Федоровский в 1924 г. в журнале «Красный горняк»: «Самая мысль о создании в Москве высшего горного учебного заведения зародилась еще в 1916 году у меня и проф. Артемьева в бытность нашу в Нижнем Новгороде. В это время быв[ший] Варшавский Политехникум с Горным Отделением был переведен в Нижний Новгород. Нам казалось совершенно

нелепым существование в Нижнем Новгороде Горного Отделения в то время, когда в таком большом умственном центре, как Москва... не было высшей горной школы. Мы подняли большую кампанию за перевод Горного Отделения в Москву...» [8. С.19]. Поднятая кампания с треском провалилась.

После перехода власти к Временному правительству Артемьев решил, что вопрос о переводе в Москву следует поставить вновь. Но и на этот раз план не осуществился.

А между тем Федоровского избрали главой нового окружного комитета РСДРП(б), вскоре он стал председателем губернского комитета и кандидатом в Учредительное собрание. В марте 1918 г. он принял участие в VII съезде партии, где особо активно поддержал линию В.И.Ленина, в том числе по поводу заключения Брестского мира, и смог обрести его особое доверие. «В начале 1918 г., — писал Федоровский в упомянутом журнале, — я поехал в Москву по партийным делам, вспомнил здесь наши попытки основать в Москве горную школу, снесся с Горным Отделением Политехникума, и было решено совершенно самостоятельно организовать здесь высшее учебное заведение по типу Академии» [8. С.19]. В итоге с помощью московских властей это и было сделано. С деталями истории расчленения Нижегородского политехникума под руководством Федоровского и Артемьева можно познакомиться в упомянутой книге В.Б.Рыбьева и Т.Ю.Полянской.

Очередной вираж привел к тому, что Артемьев вернулся в Москву и с 8 мая 1918 г. приступил к работе в Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе РСФСР) [9. Оп.19. Д.183. Л.166]. 29 июня 1918 г. на заседании коллегии Наркомпроса было принято решение «Об утверждении членами научного отдела тт. Ленгника и Артемьева» [9. Оп.1. Д.40. Л.15]. Так Артемьев в компании с профес-

сиональным революционером, большевиком Фридрихом Вильгельмовичем Ленгником вошел в круг руководителей российской науки. Вскоре Совнарком на своем заседании постановил назначить его членом коллегии Наркомпроса [10].

К этому времени, наверное, относится и вступление Артемьева в РКП(б), что у многих коллег вызвало недоумение. Так, Вернадский в своих дневниках вспоминал, что Дмитрий Николаевич «не будучи ни коммунистом, ни социалистом — вступил в партию» [11. С.23]. Видимо, также в этот период он был избран профессором Московского университета. В дополнение ко всему перечисленному Артемьев и Федоровский стали членами коллегии организованного тогда НТО ВСНХ. В качестве сотрудника Наркомпроса и НТО Артемьеву пришлось заниматься множеством дел, но основные усилия он прикладывал к созданию Горной академии. В итоге 4 сентября 1918 г. был подписан декрет Совета народных комиссаров об учреждении Московской горной академии (МГА). Артемьев стал ее ректором-учредителем. Торжественное открытие состоялось 12 января 1919 г. Вскоре же на коллегии Наркомпроса его утвердили заведующим научным отделом [9. Оп.1. Д.180. Л.15].

Ученые в своем большинстве не приняли новую власть, поэтому большевики стремились максимально отгородить их от участия в высшем образовании. С этой целью было создано множество специализированных (отраслевых) НИИ, лабораторий и других организаций, не связанных с вузами и университетами, а также новые высшие учебные заведения, не имеющие исторически сложившихся научных школ. Всего за 1918—1919 гг. было образовано 33 крупных по тому времени института. Некоторые из них вскоре распались, но другие оказались вполне жизнеспособными. Реформаторы так увлеклись перестройкой, что под горячую ру-

На Всероссийском совещании по реформе высшей школы. 1918 г. Слева, над склонившейся фигурой, предположительно Д.Н.Артемьев.

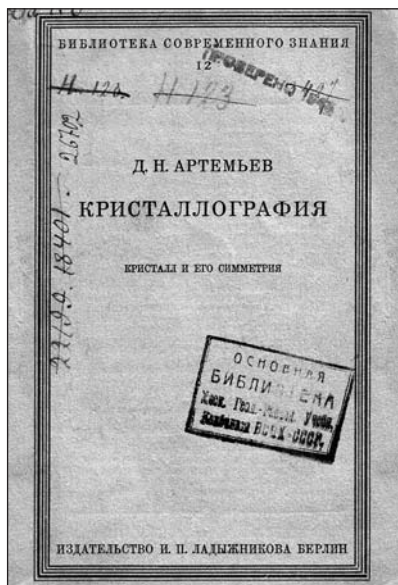
Из фонда РГАКФД.Красногорск

ку чуть было не ликвидировали Академию наук. Инспирировал эту попытку, несомненно, заместитель наркома М.Н.Покровский, которому свободолобие академиком не давало покоя, однако легенды приписывают ее именно Артемьеву и его заместителю по научному отделу Наркомпроса — астроному В.Т.Тер-Оганесову. Губительной реорганизации удалось избежать только благодаря непосредственному обращению членов Академии к Ленину, который категорически воспротивился этим планам. По воспоминаниям А.В.Луначарского, А.И.Рыков передал ему следующую фразу Ленина: «Не надо давать некоторым коммунистам-фанатикам съесть Академию» [12. С.62].

Зимой 1920/1921 гг. административный статус Артемьева пошатнулся. Это был период острейшего системного кризиса в стране и внутрипартийной борьбы среди большевиков в форме так называемой дискуссии о профсоюзах. Борьбу с кризисом начали с реорганизации науки и образования, и в итоге коренной перестройки Наркомпроса Артемьев потерял

там свое руководящее положение. 25 января 1921 г. он, как оказалось, в последний раз выступил на коллегии с докладом по проекту декрета о Госкомитете по охране памятников природы [9. Оп.1. Д.634. Л.5], но в новой структуре Наркомпроса ему досталось место лишь среди 16 членов научно-технической подсекции Государственного ученого совета (ГУС) [9. Оп.36. Д.80. Л.5]. Кардинальное понижение своего статуса Дмитрий Николаевич ощутил моментально и понял, что теперь ему будет, помимо всего прочего, весьма тяжело добывать средства для Московской горной академии. Уже 15 февраля 1921 г. последовало заявление ректора Артемьева о замещении его как распорядителя кредитов членом президиума МГА И.М.Губкиным или Н.М.Ишоевым. Представители МГА, собравшиеся для выборов президиума Академией, согласились с предложением [13. Л.97].

Именно к этому времени бытующие мифы относят решение Артемьева об эмиграции. В дневниках Вернадского к 24 марта 1921 г. относится следующая запись: «Артемьев вернулся из

Руководство по кристаллографии (один из четырех томов), изданное в Берлине в 1923 г.

Смоленска, не доехав до Минска — заград[ительные] отряды — а он, по-видимому, думал уехать за границу и вез туда «благоприобретенное». Всюду молочная гадость...» [11. С.23]. Под «благоприобретенным» здесь, скорее всего, подразумевается широко распространенный слух, будто Дмитрий Николаевич, пользуясь своим положением, скупал драгоценные камни и, собрав «шкатулку с драгоценностями», с ней эмигрировал. В версии академика В.А.Обручева шкатулка выросла до размеров чемодана — он записал в своих воспоминаниях: «Артемьев скоро уехал за границу и, как говорили злые языки, увез чемодан с драгоценными камнями, которые в годы Гражданской войны скупал по дешевке. Он не вернулся назад и стал эмигрантом» [14. С.21]. Однако в марте Дмитрий Николаевич, скорее всего, и не собирался эмигрировать. Сохранились документы, по которым он в марте 1921 г. командировался в Смоленск и Минск, а перемещаться тогда он мог только в соответствии с полученным мандатом.

Командировка, из которой он не вернулся, состоялась поз-

же. 4 июля 1921 г. на заседании Комиссии по заграничным командировкам при Наркомпросе было решено «командировать профессора Артемьева Д.Н. в Германию и Швецию сроком на 2 месяца с отпуском соответствующей валюты» [13. Л.166]. 22 ноября Губкин подписал сохранившиеся в личном деле Артемьева сертификаты на английском, французском и немецком языках, в которых подтверждались его полномочия, а 26 ноября Артемьев написал приказ: «Ввиду моего отъезда за границу по поручению Наркомпроса и Наркомвнешторга исполнение обязанностей ректора возлагается на члена Правления М.Г.А. проф. И.М.Губкина. Ректор М.Г.А. Д.Артемьев» [13. Л.135]. На этом фоне весьма загадочно выглядит подшитая в личное дело выписка из протокола заседания правления МГА от 28 ноября 1921 г., где член правления С.С.Смирнов заявил «об отъезде ректора Академии проф. Д.Н.Артемьева в командировку за границу без извещения об этом Правления МГА и, в частности, своего заместителя, и без сдачи последнему дел по Академии» [13. Л.136]. Это нелепое заявление, тем не менее, породило свой до сих пор бытующий миф.

Поначалу Артемьев направился в Швецию. Уехал ли он в эту командировку с уже твердо принятым решением об эмиграции? По-видимому, нет. Иначе непонятно, почему он пытался усердно исполнять свое командировочное задание. Известно, что 21 декабря он выслал из Швеции на имя тогдашнего заместителя председателя коллегии НТО ВСНХ Ю.Н.Флаксермана письмо с соображениями о необходимости открыть отделение Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) в Стокгольме, аналогичного Берлинскому, где в то время успешно работал Федоровский [15. Оп.7. Д.1132. Л.138]. Эти соображения разбирались на коллегии НТО 14 февраля 1922 г., и было решено: «признать организацию отделе-

ния БИНТа в Стокгольме в данный момент ввиду валютных соображений несвоевременной и считать необходимым иметь в Стокгольме лишь одного уполномоченного БИНТа, на какую должность согласно составшегося соглашения между М.Я.Лапировым-Скобло и Полномочным представителем Р.С.Ф.С.Р. в Швеции тов. Керженцевым назначить инж. А.О.Логина» [15. Оп.7. Д.1131. Л.15]. В данном протоколе Артемьев еще числится членом коллегии НТО, но спустя два дня, 16 февраля, президиум ВСНХ утвердил ее новый состав — уже без него.

18 февраля 1922 г. полномочный представитель РСФСР в Стокгольме П.М.Керженцев отправил телеграмму с запросом о выдаче Артемьеву германской визы. Этот вопрос почему-то рассматривался почти месяц, и только в марте Академический центр Наркомпроса обратился в отдел дипломатических курьеров Народного комиссариата по иностранным делам со следующей просьбой: «Академический центр Наркомпроса просит сообщить по телеграфу находящемуся в Стокгольме тов. Керженцеву в ответ на его телеграмму от 18-го февраля с/г, что срок заграничной командировки профессора Артемьева уже истек, почему Наркомпрос не находит возможным настаивать перед Германским Посольством о выдаче профессору Артемьеву германской визы» [13. Л.168]. Подписали этот документ заместитель наркома просвещения М.Н.Покровский и заведующий Главнаукой И.И.Гливенко.

Возвращения Артемьева ждали до июля. Его матери, которая жила вместе с ним в квартире, находящейся в здании МГА, все это время выдавали пайки, но потом ждать перестали. Последний документ в его личном деле, направленный в отдел социального обеспечения, — это решение о выдаче Е.В.Артемьевой удостоверения в том, что она действительно мать профессора Артемьева. Екатерину

Владимировну выселили из квартиры, которую занял Обручев, и о ее дальнейшей жизни достоверных сведений нет.

Сам же Дмитрий Николаевич начинал новый, зарубежный, этап жизни, о котором мало что известно. Даже об истинных причинах невозвращения остается только гадать. Можно предположить, что это связано с повсеместной в стране так называемой генеральной чисткой, приведшей почти четверть коммунистов к исключению из партии и последующим репрессиям. Сыну начальника тюрьмы, дворянину, землевладельцу и надворному советнику Дмитрию Николаевичу Артемьеву было чего опасаться, ведь основные вопросы тогдашних комиссий по чистке были связаны именно с социальным происхождением. Стоит отметить, что двое из четырех членов первоначальной коллегии НТО ВСНХ — Н.П.Горбунов и Н.М.Федоровский — в 30-х годах были репрессированы, а А.А.Эйхенвальд, как и Д.Н.Артемьев, эмигрировал из России.

Где Артемьев жил первое время после эмиграции — неизвестно. Бытует предположение, что местом его жительства была Чехословакия, но и это может оказаться мифом. Достоверно известно лишь, что тогда он самым активным образом сотрудничал с двумя берлинскими русскоязычными издательствами.

Первое из них — это Издательство И.П.Ладыжникова. В 1923 г. в серии «Библиотека современного знания» Артемьевым был опубликован четырехтомник «Кристаллография», который Ферсман, как упоминалось, считал «прекрасным руководством», а через год — сборник математических таблиц. Во всех книгах он объявляет себя профессором Московского государственного университета и никак не упоминает МГА.

Второе зарубежное издательство, с которым сотрудничал Артемьев, — «Наука и жизнь». Отделения его находились в Берлине и Риге. Оно в течение

К исл 1195 ²⁴/_{VI} 2011. Ротин

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА 178

1. Фамилия, имя, отчество *Артемьев Дмитрий Николаевич*
2. Возраст *38*
3. Место приписки / звание / *Профессор*
4. Партийность *Коммунист*
5. Какой иностранный язык знает/говорит, пишет, владеет литературно и пр. *Французский*
6. Где, когда и на каких должностях приходилось вести работу на иностранных языках и сколько времени *научная работа*
7. Был ли за границей, работал ли там и в утвердительном случае, когда вернулся или по какой причине приехал в Москву *Был, работал*
8. Какую должность занимает в учреждении применяет ли познания иностранных языков по должности и степень необходимости для учреждения *Зав. Научн. Отделом*
9. Какую и где должность занимал до войны 1918 г. *Профессор Моск. Унив. и Сорбонны*
10. Получаемое к моменту регистрации содержание / денежное и натурой / *4800р. и научный паек*
- II. Точный адрес / местожительство / регистрируемого *Ф. Каширская 14*

М. Артемьев
 Исполнительная печать *Н. Билибин*
А. Фриша

Регистрационная карточка Д.Н.Артемьева, заведующего научным отделом Наркомпроса (ГАРФ. Ф.2306. Оп.19. Д.185. Л.178).

ряда лет публиковало серию переводных книг «карманного» формата под общим названием «Русское издание «Библиотеки Гёшен»». Серия была названа в честь легендарного лейпцигского издателя и книгопродавца Г.И.Гёшена (1752—1827), и Артемьев участвовал в подготовке и редактировании для нее переводов нескольких книг. Среди них надо назвать вышедшую в 1923 г. «Кристаллографию» В.Брунса и двухтомное издание 1924 г. известнейшей книги О.Т.Бюрклена «Сборник математических формул и теорем».

Самым же любопытным представляется шеститомное издание книги Г.Егера «Теоретическая физика» (1923). В первых двух томах Артемьев участия не принимал, но в последующих его роль нарастала, и он сопровождал книги собственными дополнениями (для шестого тома написал в качестве приложения совершенно неожиданную для него 30-страничную статью «Теория относительности»). В то время было не много ученых, способных изложить доступно для широкого круга читателей учение Эйнштейна, однако Ар-

Участники Первого съезда русского католического духовенства византийско-славянского обряда в Риме. Холл Руссикума, 1930 г. Сидят в первом ряду: о.Александр Дейбнер, протоиерей Александр Сипягин, архимандрит Александр Евреинов, епископ Петр Бучис, протоиерей Сергей Веригин, о.Сергий Грум-Гржимайло, о.Александр Волконский. Во втором ряду: о.Дмитрий Кузьмин-Караваев, о.Лев Жеденов, о.Дмитрий Артемьев, о.Георгий Цебриков, о.Владимир Длусский, о.Николай Братко. В третьем ряду стоят семинаристы: Фома Подзява, Мартын Зданюкевич, Агагян, Кузьма Найлович.

Фото из собрания Славянской библиотеки в Лионе

темьев сделал это, причем с определенным изяществом. Итог издательской деятельности в 1923—1924 гг. впечатляет и характеризует его как чрезвычайно трудолюбивого ученого весьма высокого уровня. Стал бы он столь напряженно трудиться, имея при себе пресловутый «чемодан с драгоценными камнями»? Судить читателю.

В 1924 г. Дмитрий Николаевич осуществил очередной крутой вираж и, занявшись, подобно другим «мятущимся душам», богоскательством, перешел, или, как принято говорить, конвертировался, в католичество, решив стать священником униатской церкви. Его учеба продолжалась пять лет, и в 1929 г. он был рукоположен. В журнале «Китеж. Русский католический вестник», выходившем в Варшаве под редакцией священников Диодора Колпинского и Антония Около-Кулака, появилась следующая заметка: «О[тец] Д.Артемьев. Русское католическое духовенство получило нового члена и собрата в лице о. Дмитрия Артемьева... автора ряда блестящих трудов по

кристаллографии, известных и за границей... Ко Вселенской Церкви Д. Артемьев присоединился в 1924 году, богословие изучал в Инсбруке и в Вене. Русское “Бог помочь” новопоставленному пастырю!» [16. С.64].

Первое время после рукоположения Артемьев служил священником в Вене. Интересное свидетельство его работы нашла М.Ю.Сорокина. Это письмо, которое церковный староста князь Николай Сергеевич Трубецкой написал 28 июня 1930 г. из Вены сыну Вернадского — Георгию Владимировичу. В нем, в частности, сообщается: «Из католических источников я узнал, что он [Артемьев] имеет задание вести униатскую пропаганду среди русских эмигрантов. Свою задачу он осуществляет как-то мало-симпатично. Старается использовать распри русской колонии, путем сплетней и науськиваний восстанавливает прихожан против настоятеля, углубляет раскол между антониевцами и евлогиянами и т.д. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление по рассказам людей, с ним

общающихся. Я лично совсем его не знаю, раз только с ним говорил, причем он мне очень не понравился. Так как Вы, вероятно, его знаете, то я очень прошу Вас сообщить мне, что это за человек, дабы я знал, как себя с ним держать» [17. С.674—678]. Ответ Г.В.Вернадского неизвестен.

Еще одно ценное свидетельство о деятельности Артемьева в Вене опубликовано в журнале «Ариаварта». Это письмо, посланное 12 октября 1930 г. из Вены Марией Александровной Франкфуртер Валентину Федоровичу Булгакову, бывшему секретарю Л.Н.Толстого, жившему тогда в Праге, а в конце жизни около 20 лет возглавлявшему музей в Ясной Поляне. В нем среди прочего написано: «...Тут я знаю профессора, д-ра Дмитрия Николаевича Артемьева... его призвание служить священником в греческо-восточной церкви. Он поэтому, покинув свою веру, перешел в католичество, сделался униатом... Простите за совет, но с профессором Артемьевым я не советую Вам, попросту говоря, связываться, “овчинка выдела не стоит”, он теперь прикрыл все свои немощи сутаной, и чуть что ему чудится, он сейчас же по-своему истолковывает...» [18. С.200—202].

Священник и историк С.В.Голованов из Омска, детально исследовавший жизнь русских католиков за рубежом, в своей фундаментальной монографии «История распространения католичества среди русской эмиграции в 1917—1991 гг.», выложенной в Интернете*, сообщает, что вскоре Артемьева в Вене сменил Павел Гречишкин.

Сам же Дмитрий Николаевич перебрался в Бельгию. Летом 1934 г. он был назначен ректором (руководителем) русско-католической миссии в Брюсселе. Возглавляемая им миссия была создана, по сведениям исследователя русской эмиграции в Бельгии Вима Кудениса, при поддержке каноника Поля Халф-

* <http://vselenstvo.narod.ru>

лантса и называлась Католической миссией для русских в Бельгии (Mission Catholique pour les Russes en Belgique) [19. P.509—525]. Миссия функционировала как минимум до 1939 г., но ее судьба в годы войны автору, к сожалению, неизвестна. Голованову удалось найти в Славянской библиотеке в Лионе карточку на Д.Н.Артемьева, которую составил, как и на всех русских зарубежных католических священников, протоиерей Виктор Рихтер. В ней записано, что Артемьев умер зимою 1945 или 1946 г. в Бельгии. Подобная неопределенность выглядит весьма показательной: видимо, к концу жизни у Артемьева не осталось ни друзей, ни близких знакомых. Оставшиеся бесхозными после

смерти автора книги из его личной библиотеки попали в бенедиктинский монастырь Шевтонь — так там оказались столь нехарактерные для аббатства труды — его «Кристаллография» и перевод учебника Бюрклена. Их каталогизировали 14 января 1946 г., что дополнительно указывает на время смерти Артемьева — скорее всего, в период рождественских праздников 1945/1946 гг. Место его захоронения также пока неизвестно. Вот так сложилась жизнь этого незаурядного ученого и неоднозначно воспринимаемого человека.

В заключение необходимо поблагодарить тех энтузиастов, которые смогли в последние годы по крупицам собрать инфор-

мацию об Артемьеве. Это В.Б.Рыбьев, Т.Ю.Полянская и Н.Ю.Стоюхина из Нижнего Новгорода, петербуржец Е.Б.Трейвус, С.В.Голованов из Омска, москвичи З.А.Бессуднова, М.Ю.Сорокина, В.И.Скопцова, О.А.Иванов, Б.Б.Лебедев и В.П.Волков, уфимцы Д.Л.Рахманкулов, А.Х.Аглиуллин и Р.М.Мазитов, бельгийский историк В.Куденис.

Конечно, в рамках статьи невозможно рассказать обо всех деталях этой бурной жизни. Для тех же, кого заинтересовала «мятущаяся душа», ниже приведены в хронологической последовательности основные публикации, содержащие дополнительные сведения о деятельности Артемьева и о мифах, с ним связанных. ■

- Трейвус Е.Б.** Кристаллограф Дмитрий Николаевич Артемьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер.7. Вып.1. С.96—100.
- Рахманкулов Д.Л., Бессуднова З.А., Аглиуллин А.Х., Мазитов Р.М.** Д.Н.Артемьев — видный ученый, организатор науки и высшего горного образования в России // История науки и техники. Уфа. 2006. №5. С.58—72.
- Трейвус Е.Б.** Очерки по истории кристаллографии. СПб., 2007.
- Блох Ю.И.** Исторические корни и учредители Московской горной академии // Геофизический вестник. 2008. №8. С.8—14.
- Иванов О.А.** Первый ректор Московской горной академии // Известия вузов. Горный журнал. 2009. №1. С.95—106.
- Генис В.Л.** Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920—1933). Опыт документального исследования. В 2-х кн. Кн.1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920—1929). М., 2009.

Литература

1. *Ферсман А.Е.* Под Москвой (1903—1912) // Бюллетень МОИП. 1946. Отдел геологии. Т.21. №1. 1946.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.340.
3. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф.418.
4. *Федорова Л.В.* Наши будни, радости и горести: Воспоминания // Научное наследие. Т.20. М., 1992.
5. *Рыбьев В.Б., Полянская Т.Ю.* Бывший Варшавский, ныне Нижегородский политехнический институт. Нижний Новгород, 2007.
6. *Парамонов И.В., Коробочкин Н.П.* Николай Михайлович Федоровский (1886—1956). М., 1979.
7. Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг. М., 1933.
8. *Федоровский Н.М.* К истории Московской горной академии // Красный горняк. 1924. №4.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.2306.
10. ГАРФ. Ф.Р-130. Оп.2. Д.65. Л.4.
11. *Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 — август 1925. М., 1999.
12. Ленин и Академия наук: Сборник документов. М., 1969.
13. Архив Московского государственного горного университета (МГГУ). Дело Д.Н.Артемьева.
14. *Обручев В.А.* Воспоминания о втором московском периоде (1921—1929 гг.) // Очерки по истории геологических знаний. М., 1963. Вып.12.
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.3429.
16. Китеж // Русский католический вестник. 1929. №4—8.
17. «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // Диаспора. Вып.6. М.; СПб., 2004.
18. Двадцать писем Марии Франкфуртер к Валентину Булгакову // Ариаварта. 1999. №3.
19. Coudenis Wim. A Good Cause? Russian Students at the Catholic University of Leuven, 1921—1940 // For East is East. Liber Amicorum Wojciech Skalmowski. Leuven; Paris, 2003.